

Оглавление

Введение	5
Глава 1. От жизненного пути к биографии	19
§1. Жизненный путь и биография	21
§2. Психологическая биографика.....	28
§3. Биография и проблемы идентичности	41
§4. Биография и Устная история	47
§5. Гендерные особенности воспоминаний	55
§6. Биографическая память: между индивидуальным и социальным	63
Глава 2. Нарративная идентичность в биографическом интервью	74
§1. Нарративная модель: от события к истории	76
§2. Условия понимания в автобиографическом рассказывании	79
§3. Нарративная идентичность.....	84
§4. Связность/когерентность (авто)биографии.....	87
Глава 3. Концепции нарративного интервью у Ф. Шютце, Г. Розенталь	91
§1. Биографическое исследование как процесс принятия решений	95
§2. Ф. Шютце и его концепция процессуальных кривых и нарративного интервью	117
§3. Г. Розенталь и ее версия биографическо-нарративного интервью.....	142
§4. Качество качественных методов.....	164
Глава 4. Визуальные документы в контексте биографического исследования	184
§1. Фотоальбом как визуализация биографии	184
§2. Анализ визуального изображения	187

Глава 5. Эмпирические кейсы: анализ нарративной идентичности в биографиях	202
§1. Политическая биография: «Президентом мне не быть»	202
§2. Этнокультурная и социальная идентичность: «из благородной немецкой семьи с баронским прошлым»	219
§3. Субкультурный опыт в биографии: «Я всегда влезала не туда, куда надо, и всегда знакоилась не с тем, с кем надо»	231
§4. Гендерные ловушки в биографии: «Я была домашним, дворовым ребенком»	243
§5. Болезнь и травма в биографии: «Я, по сути, воспроизвожу в танце свои переживания»	258
§6. Биографический опыт репрессий: «Мои родители жили с этим страхом всю свою жизнь»	273
§7. Маскулинная идентичность на уровне индивида (интрабиографика) и группы (интербиографика)	288
§8. Война в биографии: «Никому я не рассказывала, что была в Германии»	304
§9. Сочетание количественного и качественного подхода: типизированная биография мужчин и женщин	316
Глоссарий	349
Библиография	353

Введение

Возникновение в отечественной социологии интереса к биографическому методу далеко не случайно. Этому способствовали как изменения собственно в социологической науке, так и явления более общего социального плана. В центре внимания одного из таких относительно новых социологических подходов — биографического исследования — находятся субъективный опыт, поведение, действия человека. В этом смысле биографическое исследование представляет собой широкую тематизацию субъективности. Поле социологического исследования биографии осталось бы неясным, если бы мы исходили из определения через его объект (биография). Стоит задать лишь несколько вопросов об объекте исследования, чтобы натолкнуться на иллюзию единственного предмета биографического исследования. Имеют ли социальный характер только объективные события жизненного пути? Собственно эти события или когнитивно припомненная история о них? Идет ли речь в автобиографиях о сегодняшних интерпретациях прошлых опытов или это прагматические рассказы социально обусловленного Я? Несмотря на разнообразие мыслимых предметов социологического биографического исследования, речь идет об исследовательском поле, в котором разные исследователи апеллируют к совместно разделяемому *fundus* фоновых методологических диспозиций. Методологическая докса¹ внутри поля биографических исследований возникает как ответ-отграничение от других комплементарных подходов — социологии жизненного пути и Устной истории².

Если давать дефиниции, то биографический метод охватывает способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелей о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил. То, насколько биографическое исследование включает/привлекает другие виды данных — например, данные опросов, протоколы наблюдений, гражданские акты, семейно-исторические документы, семейные фото-

¹ Докса — общепринятое мнение, представление.

² Устная история (Oral History) — направление междисциплинарных исследований социальной истории, построенное на фиксации, систематизации и изучении свидетельств очевидцев исторических событий.

графии и т.д., — не входит в дефиницию рабочего поля и зависит от дизайна исследования.

Социологическое биографическое исследование, возможно, начинается с развенчания убеждения в том, что темой является не биография, а жизненный путь. Социология жизненного пути схематизирует свой предмет как последовательность секвенциональных событий в порядке объективного времени и задается при этом вопросом о формах и изменениях в социальном регулировании жизненных путей [Kohli, 1985; Mauger, 1990]. В этой перспективе жизненный путь считается хотя и результатом субъективных решений, но все же зависящим от социально-структурных признаков, возрастных когорт и исторических событий, так что течение жизни предстает как факторизируемая социальная форма. Соответственно анализируется не отдельный жизненный путь, а статистическая агрегированная совокупность жизненных путей. Биографическое исследование отличается тем, что интересуется носителем биографии в его сингулярности. События жизни между рождением и моментом X представляются не в последовательности, а в их внутренней упорядоченности, т.е. мотивированности и субъективном придании смысла. Поэтому отношения жизненного пути и биографии инверсивны: подключение смысла выключает объективность, и наоборот. Между обоими исследовательскими направлениями — методологический тупик: на одной стороне — методы, которые претендуют на постижение субъективного смысла носителя биографии, а на другой — требование объективного анализа жизненных путей.

Кроме того, обращение к биографиям как методу сбора социально значимой информации является отражением определенных исторических изменений в социальной жизни. Общевропейский процесс модернизации может быть описан в том числе и как процесс субъективирования/индивидуализации жизни (как распечатывание ранее закрытых полей, интернализация постматериальных ценностей, тенденции приватизма и т.д.), и в русле этого процесса биография становится центральным социальным измерением [Kohli, 1991]. В противовес представлениям о «конце индивидуума» другие социологи утверждают, что процесс индивидуализации сегодня продолжается и охватывает даже те социальные группы (например, женщин), которые ранее стояли на его обочине [Beck, 1993]. В результате многочисленных дискуссий стало ясно, что концентрация на субъективности не разрушает социологическую перспективу. Когда говорят об индивидуализации, речь идет не о росте меж-

индивидуальных различий, а о растущем социальном значении индивидуальности или, парадоксально, об индивидуальности как исторически новой форме обобществления [Robert, 1983].

Биографическое исследование перекликается с упомянутым выше направлением качественных исследований — Устной историей, которую можно в широком плане определить как сбор устной информации участников или очевидцев событий, осуществляемый подготовленными специалистами (историками, культурологами, социальными исследователями) с помощью звукозаписывающей техники. В Oral History биографии могут, но не должны играть роль доминантного источника информации. Могут быть использованы и другие источники (газетные статьи, дневники, письма, фотографии, опрос свидетелей, нарративные отдельные интервью и т.д.). Эта плюралистическая техника делает метод Oral History открытым для очень широкой сферы применения. В центре же биографического исследования — изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенности» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта. При этом биографическое исследование имеет, согласно М. Коли, свои нормативные требования: оно должно отражать взгляд на жизнь индивида в целом; учитывать взаимосвязь индивидуальной истории жизни и истории общества; осмысливать интерпретационную активность актеров повседневности.

Как свидетельствует история социологии, биографии привлекли внимание концептуально и эмпирически те парадигмы, которые сосредоточены на феноменолого-интерпретативных направлениях. Так называемые большие социологические теории проявляют минимальное внимание к историям жизни, хотя многие западные повторные исследования — например, по молодежи по заказу Shell — из года в год сопровождают репрезентативный опрос нарративными интервью, портретирующими актуальный типологический профиль современной молодежи.

Предыстория биографического метода связана с чикагской школой 20-х годов XX в. в США, с так называемой социологией биографических конкурсов в Польше, психологией в Австрии. Знаменитое исследование о польских крестьянах в Европе и Америке, вышедшее в 1918–1920 гг. под соавторством чикагского социолога В.И. Томаса и его польского коллеги Ф. Знанецки, развивало тезис о развале сельской общины и индивидуализации ведения хозяйства. Макросоциологическая проблема миграции рассматривается здесь через призму изменений в крестьян-

ских «первичных группах» семьи и общины (в экономических, культурных, религиозных и классовых аспектах). Аналитическая лейтмотивная концепция как для реконструкции социального развития Польши, так и для групп мигрантов в Америку — это дезорганизация первичных групп, их социальная и политическая реорганизация. Исследование эмпирически базировалось на документах, имеющих реальное социологическое происхождение, на оригинальных коммуникативных продуктах процесса социальной интеграции (семейные письма, документы и письма в организации). Социальные изменения исследовались авторами на стыке «социальных ценностей» и «установок» личности, а развитие личности рассматривалось как результат влияния социальных ценностей на совершенные действия. Несмотря на критику интерпретативного подхода Томаса и Знанецки, которая может быть сформулирована исходя из возможностей современной социологии, их заслуга состоит в том, что они придали биографическим данным статус значительного социологического и социально-психологического документа, более того, сформулировали соответствующее методологическое кредо: «Мы уверены, что личностные сообщения о жизни — полные, насколько возможно — представляют лучший тип социологического материала» [Thomas, Znaniecki, 1958, т. II, р. 1832]. Известно это исследование и методологической посылкой, согласно которой в социологии должны учитываться объективные и субъективные факторы воздействия: если не принимать во внимание анализ «мира представлений» отдельных людей, нельзя объяснить, почему различные люди по-разному реагируют на конкретный феномен. Эти размышления позднее стали известны как «теорема Томаса», или «гуманистический коэффициент» [Znaniecki, 1969, р. 139].

Из чикагской школы в социологии вышло целое направление биографических исследований: изучение культурной проблематики групп иммигрантов, образа жизни преступников и девиантных групп, генезиса преступлений в истории жизни, проблем урбанизированного общества, особенностей этнической, языковой и культурной дивергенции. Среди использованных в этих исследованиях первичных данных — автобиографии и биографические интервью, письма, акты о попечении и документы государственного контроля, протоколы включенных наблюдений меньшинств и отклоняющихся групп. Если одни биографические данные использовались лишь иллюстративно, то другие методично сравнивались с иными личными документами. Например, К. Шоу в исследовании молодых правонарушителей сравнивает автобиографии с дан-

ными о тех же индивидах из других источников. В 30-е годы в американской социологии биографический метод пребывает в упадке, поскольку методологически был девальвирован контраргументами, выработанными в противоположном лагере количественной социологии. Соответственно этой логике все методы оценки и научного вывода, которые не следуют статистическим закономерностям, признаются ненаучными, либо им отводится эксплоративная или иллюстративная задача в рамках количественного исследования. Как утверждает представитель французской школы биографических исследований Д. Берто, причина заката в том, что представители биографического метода чикагского периода защищали его не в полную силу и не противопоставили статистическому расчету никакую качественно-типологическую логику исследования; этот спор окончился почти полным разгромом при столь ярко начавшемся развитии метода в США [Bertaux, 1981, p. 5].

Тем не менее в принадлежности к американской школе социальных исследований могут быть названы еще примеры качественных междисциплинарных исследований середины и второй половины XX в., методические уроки которых вбирает дискурс биографических исследований. Это мегапроекты хотторнских экспериментов Ф. Ротлизбергера и В. Диксона, исследований мотивации Мак-Клеланда с коллегами, исследования балинезийского характера и социализации на Бали М. Мид и Г. Батсона.

«Менеджмент и рабочий»

В основе этой работы — многолетние (1927–1933 гг.) исследования по заказу Western Electric Company на заводе Hawthorne близ Чикаго [Roethlisberger, Dickson, 1939]. Их отличает методический плюрализм: эксперименты в течение двух лет с вариациями условий труда и измерением трудовых достижений как зависимых переменных; опрос 21 тысячи рабочих, причем методика опроса менялась в сторону ее гибкости; систематические наблюдения в течение полугода трудового поведения на рабочем месте. Уроки этих экспериментов можно свести к двум измерениям:

1) *содержательные*: дискуссии в индустриальной социологии сместились от homo oeconomicus к social man. Социальные отношения на рабочем месте стали дискурсом. Тематизировалось также различие формальной и неформальной организаций;

2) *методические*: исходная позиция исследователей была связана с тейлористской традицией и экспериментальной, прикладной психологией. Но открытость исследователей реально происходящему привела к методическим инновациям: к переходу от опроса с заданными формулировками и категориями оценки к открытому разговору. Достаточно инновативна тогда была и интерпретация трудового поведения в качестве социального.

Исследования мотивации

Мак-Клеланд с коллегами предпринял попытку объяснить социальные феномены с помощью психологических теорий и эти объяснения проверить методами психологии [McClelland, 1961]. Его подход может быть проинтерпретирован как парадигма взаимосвязи качественного (содержательно-аналитического) метода сбора данных с количественными (статистическими) методами оценки данных. В построении метода измерения мотивации он стремился к анализу мотивов независимо от мотивированного поведения: был разработан тест мотивации к достижению/успеху. Центральная предпосылка исследования заключалась в том, что мотивация достижения является одним из факторов экономического роста (отсылка к этике протестантизма М. Вебера и исследованиям Уинтерботтома). Проверка этой гипотезы была разбита на три группы исследований: 1) взаимосвязь групповых масштабов тестовой величины достижений с общеэкономическим развитием страны; 2) взаимосвязи между мотивами и ценностями матерей и мотивом к успеху у сыновей; 3) мотивы и поведение предпринимателей. Результаты подтвердили исходную гипотезу Мак-Клеланда. Так, высокий «мотив национального успеха» может прогнозировать экономический рост. В анализе же родительских ценностей и мотивации достижений у сыновей были выделены три фактора: предпосылками успеха сыновей являются высокий стандарт успеха родителей, тепло отношений и недоминирующий отец; сыновья должны испытывать уважение к отцам; достижительный мотив оказался выше у протестантов и иудеев, чем у католиков. В целом, как утверждает Мак-Клеланд с коллегами, предприниматели больше ценят ситуации, где они несли личную ответственность в решении проблем и хотели подтверждения (деньги) тому, что они хорошо работают.

«Балинезийский характер»

Г. Батсон и М. Мид объединили в этом исследовании две «классические» национальные традиции антропологии — британскую и американскую, уравновесив способность к абстрагированию и гносеологический акцент первой со склонностью к эмоциональным, эстетическим и когнитивным факторам второй [Bateson, Mead, 1942]. Благодаря этому симбиозу стали возможны этнографический анализ взаимосвязи культуры и социализации на Бали, специфический качественный подход и способ презентации материалов. Задача этого качественного исследования: изучить социально-культурные порядки, т.е. как и каким образом балинезийцы практически осуществляют то, что называют балинезийской культурой. Особое место в методологии занимает понятие этоса как «выражения культурно стандартизированной системы организации институтов и чувств индивидов». В поисках основных образцов балинезийской культуры М. Мид и Г. Батсон обнаружили коллективную установку на уклонение от крайностей, стремление к упорядоченной симметрии и равновесию. Для исследовательского стиля этой работы характерна роль стенографов происходящего. Чтобы заставить культуру «заговорить», парадоксально, они фотографировали, снимали фильмы (невербальные методы) для фиксации и описания социальных действий (подзаголовков этого труда «Фотографический анализ»).

Для анализа материала они вводят понятия фенотипа и генотипа, расположенных в различных логических горизонтах, поскольку обилие фенотипических подробностей еще мало говорит о систематическом, воспроизводимом культурном образце. Методически принцип сбора данных отвечал установке на максимизацию вариативности предмета, многообразие контрастирующих типов данных. Целью же являлась интерсубъективность, а не объективность. Поэтому способ подачи материала учитывал триаду «предмет—исследователь—читатель», где последний выступает в качестве соаналитика. Тем самым валидность становится социальным продуктом, а валидизация — попыткой привлечь читателя к разговору.

Европейская линия биографических исследований развивалась в ином ритме. Так, в Польше Ф. Знанецки выпустил в 1921 г. первое собрание письменных автобиографий. Там этот исследовательский метод закрепился в культурной форме публичных конкурсов биографий как дискурсивное признание использования биографических свидетельств.

Как резюмирует П. Томпсон [Томпсон, 1993, с. 60–61], характерным для этой польской линии биографического метода было то, что она вышла за пределы научного обсуждения и стала культурным движением, так как к обсуждению тем национальной и общественно-политической значимости были привлечены социальные группы через медиум автобиографий. Более того, утверждается, что биографический метод способствовал росту самосознания этих социальных групп (крестьяне, выходцы из экономически депрессивных областей, женщины и т.д.), и их дискурсивные позиции становились общественно значимыми. Если, как полагает Фукс-Хайнритц [Fuchs-Heinritz, 1998], немецкая социология в 20-е годы не присоединилась к американским «качественным» инициативам преимущественно из-за методических возражений против ценности источников — автобиографий, возникших в рабочем движении, то венским психологам Карлу и Шарлотте Бюлер удалось внедрить биографический метод в психологию и педагогику. Ш. Бюлер собрала дневники гимназической молодежи и осуществила их систематический анализ [Buehler, 1925; 1927], в том числе в перспективе сравнения поколений [Buehler, 1934] и в определении психологии течения жизни.

Венская линия биографических исследований была поддержана другим классическим качественным исследованием 30-х годов XX в. — «Безработные в Мариентале» [Jahoda, Lazarsfeld, Zeisel, 1980]. Содержательная проблема исследования — безработица в Австрии — методологическая попытка объективно отобразить социально-психологические последствия этого факта. Особенностью дизайна этого исследования были отсутствие предваряющей теории и методического плана, список открытых вопросов и одно методическое условие (оно же — этический принцип): каждый исследователь, помимо задач познания, должен выполнять социально-конструктивную функцию в поле: каритативную, просветительскую, консультационную или педагогическую. Методические уроки «Безработных в Мариентале» суммированы П. Лазарсфельдом:

- 1) для охвата социальной действительности необходимо сочетание качественных и количественных методов;
- 2) должны быть замерены объективные факты и субъективные установки;
- 3) современные наблюдения должны быть дополнены историческим материалом;

4) должны применяться скрытые наблюдения за спонтанной жизнью и прямые, запланированные опросы.

Эта венская линия развития была прервана во времена национал-социализма, поскольку его центральная идеологема — раса, наследственность — чужда гуманистическому биографическому подходу. Далее, уже в середине 50-х годов, группа психологов во главе с Х. Томаэ занялась собиранием и интерпретацией биографических данных в проекте «Психологическая биографика» [Thomae, 1968, S. 103]. Особенностью этого проекта были долгосрочные наблюдения и анализ бюджета дня, попытка достичь своего рода полноты жизненно-исторического свидетельства. Правда, это осталось узкопарадигматическим достижением и не привело тогда к широкому распространению биографического метода в социальных науках. Подобное было характерно и для направлений медицинской биографики [Clauser, 1963], для автобиографий в педагогике [Henningesen, 1962], для этнографических историй жизни.

Из классических крупных качественных исследований в Европе, которые внесли вклад в развитие биографического направления, можно назвать также исследования авторитарной личности Т. Адорно [Adornj, Frenkel-Brunswick, Levinson, Sanford, 1950]. Эта во многом пионерная работа объединила на одной основе качественного подхода психоаналитические и социально-психологические вопросы. Развитие авторитарных структур личности эмпирически исследовалось с помощью анализа отдельных случаев, проективных методов, качественного (клинического) интервью, а также стандартизированных инструментов измерения, шкал антисемитизма, этноцентризма, F-шкалы и шкалы анализа политэкономических идеологий. Центральным концептом были немецкие работы «Исследования авторитета семьи», «Бегство от свободы» Фромма и американская «Авторитарная структура личности» Маслоу. При этом понятие «авторитарный» в исследовании понималось расширительно: не только как авторитарная доминантность, но и как авторитарное подчинение с большим акцентом на втором аспекте. В рамках клинических полуструктурированных интервью изучался генезис предубеждений. Лейтмотив интервью содержал спектр вопросов о социальном статусе, о профессии, о семейных отношениях, об отношении к родителям, родственникам, себе самому, политические и религиозные вопросы. Отбор респондентов зависел от их ответов в стандартизированном опросе со шкалами антисемитизма и этноцентризма. Таким об-

разом, проведению интервью предшествовала процедура количественного опроса.

Послевоенный период в европейском социологическом контексте биографии привлекал внимание исследователей в основном для иллюстративных целей. И только в конце 70-х годов одновременно в Германии, во Франции, в Канаде, Италии и в других странах возникает ренессанс биографического метода. Совершенно различные научные дискурсы — социология, клиническая социология, этнография, антропология, психология, социология гендера, этнология, визуальная социология — пересекаются, составляя сегодня развитую и интернационально распространенную сферу биографических исследований. Более того, в социологии говорят о «конъюнктуре биографического исследования в 80-е и 90-е годы» [Nassehi, 1996, S. 130]. Этот ренессанс метода уже не сопряжен с прежним ресентиментом, поскольку адепты биографического метода вынуждены прилагать больше усилий для его методологического обоснования, чем это делали, например, Ф. Знанецки и У. Томас. Другой оптимизирующий фактор связан с тем, что социологическая биографика наследует теоретическим усилиям социологии жизненного пути, в рамках которой самостоятельно сформировалась исследовательская потребность в присоединении реабилитированной субъективности и расширенном понимании социализационных процессов. По совокупности эти тенденции создают шансы для институционализации биографических исследований и широкого применения в социологии.

В потоке биографических исследований конца XX в. в Европе Х. Буде [Bude, 1984] выделяет в основном четыре направления:

1. Исследования социальной обусловленности жизненных путей. Это, например, исследования профессиональных биографий [Deppe, 1982], разделенных/не разделенных по гендерному признаку; социодемографические когортные исследования. Здесь в центре внимания социальные механизмы регулирования жизненных траекторий, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение, конъюнктурные циклы и кризисы, а также исторические события.

2. Исследования, нацеленные на реконструкцию социального опыта и его смысловых структур. Это исследования сознания рабочего класса [Bertaux, 1980], коллективного исторического сознания [Niethammer, 1991], субкультурных стилевых форм и др. Эта исследовательская стратегия ведет к уяснению способа построения личного опыта и внутренней структуры матриц объяснения/толкования.

3. В отличие от предыдущих направлений, нацеленных на реконструкцию связного личного опыта и господствующих в социуме смысловых структур, можно выделить и такие, которые направлены на изучение генезиса образов опыта и смысловых структур, например, на изучение того, как происходит процесс социализации и интернализации культурных образцов (Ф. Шютце — о поколении эпохи национал-социализма [Schuetze, 1989; 1992]).

4. Следующий путь эмпирического биографического исследования служит обоснованию теоретических концепций, например, в психологии развития, в теории личности, психопатологии. В качестве результата здесь выступает эмпирически обоснованное знание о природе психического и социального поведения.

В России импульсом к развитию биографического метода послужило исследование биографий семей под названием «Век социальной мобильности в России», инициированное французским социологом Д. Берто и возглавленное В.В. Семеновой. В рамках этого проекта с участием В.В. Семеновой, В.Ф. Журавлева, Е.Ю. Мешеркиной, С.М. Рождественского, Е. Фотеевой, М.М. Малышевой реконструировались индивидуальные стратегии трех поколений семей, жизнь которых иллюстрирует бурные события XX в. [Судьбы людей: Россия XX век, 1996]. К этому методу также обращались в своих исследованиях Н. Козлова, Е. Трубина, А. Готлиб, Н. Цветаева, И. Голубович, В. Безрогов, О. Кошелева, Е. Здравомыслова, А. Темкина, А. Вардоматский, Е. Ярская-Смирнова, В. Голофаст, В. Нуркова, И. Разумова, С. Чуйкина.

В методологическом плане начиная со структурирования биографического опыта явна теоретическая связь социально-конструктивистской парадигмы [Бергер, Лукман, 1995] с таким понятием в биографическом подходе, как жизненная конструкция (или конструкция жизни). Исследователь социальных биографий (генеалогий, жизненных путей, траекторий, историй, рассказов и т.д.) исходит из того, что жизнь личности пронизана определенным способом конструирования. Все события в жизни индивида не являются ни чисто случайными, ни результатом воплощения чисто субъективных замыслов. Личностная активность определенным образом упорядочена, подчинена определенным правилам. Эти правила неосознаваемы в отдельных действиях, а сфера их влияния — жизнь в целом. Неосознанность подчинения определенным социальным правилам в повседневной жизни отражает парадоксальную структуру субъективных действий: человек выражает в своих действиях

больше смысла, чем субъективно полагает. Эта парадоксальность несколько размывается, если будем различать два модуса субъективной жизни: скрытый интенциональный способ выражения событий в субъективной жизни и рожденное опытом осмысление связи между событиями в жизни субъекта. Различие интенций личности и интернализуемого смысла весьма плодотворно в методическом плане, поскольку можно исследовать логику целеполаганий независимо от теоретических схем, связанных с понятиями идентичности, Я-концепции и т.д. То есть понятие жизненной конструкции (конструкции жизни) основано на скрытых способах выражения индивидуальной жизни, а не на субъективных взглядах, планах, самопонимании субъекта. Поэтому в ходе интервью исследователь провоцирует респондента на рассказ о событиях, фактах и менее всего на оценку и комментарии, зачастую привлекаемые для сокрытия истинного смысла произошедшего. Жизненные конструкции лежат в основе повседневной активности индивида как «социально валидные правила когеренции» [Bude, 1984, S. 12]. Именно благодаря им возникает чувство интуиции, дающей понимание взаимосвязей социальной жизни. В методологии биографического исследования понятию жизненной конструкции соответствует методический прием так называемой структурной реконструкции, по Х. Буде, объединяющей поиск социального содержания в биографическом материале со следующих точек зрения: 1) *герменевтической перспективы*, поскольку ищется доступ к пониманию смысла субъективной жизни; 2) *структуралистской перспективы*, поскольку в поле анализа находится система смысловых координат; 3) наконец, *социологической перспективы*, так как постулируется социальная типика скрытых смыслов. Возникает закономерный вопрос: каким образом от «реконструкции» отдельной биографии можно прийти к заключениям, релевантным для социальной системы в целом? Ведь в социальных науках распространено представление о том, что утверждения социальной типики возможны лишь с доказательством средней частоты данного случая. В то же время в среднем частое поведение может и не отражать закономерно упорядоченное социальное содержание случая. Так, например, Л. Колберг в своих исследованиях развития моральных суждений показал, что два идентичных по содержанию ответа на один моральный вопрос могут следовать совершенно различным формам моральных суждений [Kohlberg, 1974]. И наоборот, содержательно различные ответы могут вытекать из идентичной структуры морального суждения. Таким образом, закономерность морально-

го суждения здесь вовсе не зависит от частоты определенной содержательной реакции на моральную проблему. А определение частоты определенных моральных комментариев не может вести к доказательству социальной закономерности моральных суждений. Для этого необходимы иные подходы. Что касается биографического исследования, то здесь социальная типика познается в образе конституирующих ее моментов, которые социолог отделяет от ситуативных «остаточных факторов». Улавливание типики индивидуального случая еще ничего не говорит о частоте его появления, т.е. о его репрезентативности. Но «историческая редкость не является контраргументом, историческая регулярность не является доказательством закономерности, поскольку понятие закономерности строго отделимо от регулярности, а понятие неукоснительности закона — от понятия исторической константности» [Levin, 1930, p. 450]. Таким образом, типика в биографическом исследовании и репрезентативность далеко не одно и то же. Основная же проблема, которой озабочены исследователи, использующие биографический метод, заключается в том, каким образом из конкретной биографической истории вылущить эти «конституирующие социальную типичку моменты», или, по словами Ф. Шютце, «когнитивные фигуры». Не менее увлекательна для исследователей и проблема того, при каких условиях индивид «примеряет», перенимает типичную жизненную конструкцию, внося в нее индивидуальное своеобразие, каким образом вообще складывается тот или иной социальный тип...

Структура монографии охватывает полный цикл биографического исследования — от постановки задачи биографического исследования до ее реализации. В первой главе, предваряемой экскурсом в социологию жизненного пути и Устную историю, биография анализируется как социальный феномен и конструкт, сравнивается с категорией жизненного пути, взвешиваются пересекающиеся объемы понятий биографии и идентичности, рассматриваются особенности биографической памяти. Во второй главе анализируются особенности биографической нарративной формы, социально обусловленные нарративные стратегии респондентов, представляется авторский концепт нарративной идентичности как продукта нарративного интервью. В третьей главе, предваряемой общими для качественных исследований методологическими принципами и описанием стадий исследовательского процесса, раскрываются концептуальные версии и стратегии биографического интервьюирования с точки зрения спорного методологического принципа «гомо-

логии пережитого рассказанному», различные типы интервью, условия «качества» или надежности качественных исследований. В четвертой главе рассматриваются методологические подходы к анализу визуальных документов как источника биографической информации, анализируется структуризация визуального на примерах фотоизображений. В пятой, эмпирической, главе анализируются отдельные кейсы — нарративные интервью на тему социальной, этнической, политической, гендерной, телесной идентичности, социализации, а также представлены коллекции интервью (коллективные биографии) в традициях Устной истории из исследовательской практики автора. В заключение подводятся итоги и описываются перспективы биографического метода в социологической исследовательской практике.

Глава 1

От жизненного пути к биографии

Самопрезентация и самописание индивидов приняла в современных обществах форму биографии. Благодаря биографической самопрезентации мы находим доступ не только к процессу интернализации социального мира в процессе социализации, но и к правилам упорядочения биографического опыта, выкристаллизовыванию его образцов с целью актуальной и будущей ориентации в социальном мире. Понять и изобразить себя в собственном развитии и изменении, описать эти процессы с учетом наблюдающих и оценивающих партнеров по интеракции — все это совмещено в концепции биографического как диалектике индивидуального участия и институционального влияния. Для ориентации в современном социальном мире уже недостаточно факта принадлежности к определенному классу, обладания социально-профессиональным статусом (в силу размытости их понятийных границ). Биография интегрирует различные жизненные практики в единое целое и вследствие этого принадлежит к основным средствам ориентации и интеракции во множестве социальных ситуаций.

Через разные формы биографий современные общества решают важные проблемы социальной интеграции, которые растут по мере увеличения социальной дифференциации. Вследствие социального контроля индивиды и социальные институты попадают под мощный пресс воспроизводства биографических структур. Собственно социальное биографическое исследование и направлено на то, чтобы изучить и реконструировать биографические ориентации и формы упорядочения биографий в коммуникации и институциональной сфере. Биографизирование как деятельность по построению и осмыслению жизненного пути возможно в первую очередь благодаря повседневной коммуникации, в разговорах/интеракциях друг с другом, поэтому биографические образцы являются не индивидуальным, а социальным достижением. Это стимулировало привлечение интерпретативных методов анализа текстов в социальную исследовательскую практику.

Особого уточнения заслуживает проблематика взаимоотношений между биографическим исследованием и общей социологией, поскольку из институционализации социальной биографики вовсе не вытекает ее «мирное» сосуществование с более широким парадигматическим полем. И здесь повинен прежде всего парадокс в производимых данных. Биографические интервью, автобиографические документы не выводят напрямую на те сведения, на поиск которых нацелена социология. Скорее, напротив. В социальной биографике речь идет о самоидентификациях, а не об описаниях социальных отношений или о связях между событиями, не о протоколах социальных процессов. В автобиографическом тексте рассказчик, он же носитель биографии, хочет рассказать свою жизнь не только как «член общества» и показать, что он не просто «исполнитель ролей». Поэтому в данных, производимых в биографическом исследовании, прячется «антисоциальный» жест, соответственно несоциологическое содержание. В биографии и с помощью биографии индивиды противоречат своим социальным сообществам. Этот жест обнаруживаем в той форме самоидентичности в автобиографии, в которой индивидам удастся осмыслить и описать свою жизнь и ее значение независимо от истории общества в целом. Однако этот парадокс не только формирует собственно дилемму, но и содержит важное указание на суть дела: индивиды в современных обществах заняты утверждением своей индивидуальности, не полагаясь на общество, не удовлетворяясь лишь ролью члена общества.

В работах патриархов социологии от Конта к Спенсеру, Дюркгейму, Марксу, Зиммелю и до Вебера мы найдем проблематику взаимоотношений индивида и общества как основную, лейтмотивную линию, но индивид воспринимался в этих теоретических подходах в большей мере статично, более того, вне собственной, им самим изобретаемой процессуальной формы. Основной вопрос социологии формулировался как доказательство социальной жизни и социальной обусловленности индивида. «Я», «как соорганизатор своего процесса жизни», оставалось этой программе социологических классиков чуждо [Kohli, 1989, S. 504]. Правда, в одном из своих последних сочинений Г. Зиммель приходит к идее «индивидуального закона», приближающегося к социальной биографике, но не возымевшего теоретических последствий из-за отсылки к моральной философии. Фактически только американские интеракционисты (Ч. Кули, Дж. Мид) и исследователи чикагской школы сформулировали ясное представление об индивидуальной жизни как о соб-

ственной и самовоспроизводимой структуре. Но истории жизни как материал для исследований и биография как концепт остаются, за исключением интеракционизма, дальним полем интереса для больших социологических теорий, воспринимающих биографическое исследование как малоформатное, почти провинциальное на фоне глобальных социальных трансформаций, перманентных революций и смен режимов. Общая социология может унаследовать от биографического исследования знание о процессуальных формах биографии, об идентичности не как о субстанции, а как о процессе, представление о жизненной траектории как о взаимосвязи опытов и событий, разделяющее субъективный смысл и социальное давление.

§1. Жизненный путь и биография

Интерес исследователей к конструкту жизненного пути обусловлен основной тенденцией в социологии — поиском элементов, из которых складывается социальность, а также вниманием к структурам упорядоченной повседневности. Степень этой упорядоченности варьирует от жесткой институционализации до провозглашения эпохи индивидуализации. Но между «мрачной тюрьмой» (термин П. Бергера и П. Лукмана) и «обществом риска» (термин У. Бека) на самом деле много общего. Предложенный в 1975 г. на конференции Американской социологической ассоциации термин «жизненный путь» (life course) заместил распространенный термин «жизненный цикл». Это имело целью размежевание с представлением жизни как движения по кругу, когда в итоге возвращаешься к исходному. Иногда понятие жизненного пути связывают с понятием истории жизни или биографии: история жизни подразумевает жизненный путь, получивший форму истории, т.е. реконструированной последовательности значимых событий и рассказанной в качестве таковой.

Важный аспект теоретических представлений об отношении личности и окружающей среды обнаруживается в том, что индивиды не просто испытывают внешние влияния (в смысле недифференцированного освоения), но и интерпретируют, перерабатывают их. Здесь смыкаются позиции феноменологов, интеракционистов и когнитивных психологов: личности развиваются и изменяются во взаимодействии с задачами, с определением и решением проблем и рефлексивным взаимо-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru